

УДК 347.440.7

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).07

Недействительность сделок о предоставлении опциона на заключение договора в предпринимательской деятельности

Михаил Николаевич Семякин

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические проблемы соотношения соглашения о предоставлении опциона и опционного договора, ничтожность и оспоримость опционного соглашения, их юридические последствия, а также сделаны выводы, касающиеся недействительности соглашения об опционе, ее отличия от случаев, когда указанное соглашение считается незаключенным.

Ключевые слова: проблемы, квалификация, соглашение о предоставлении опциона, опционный договор, оспоримость, ничтожность, незаключение, последствия

Для цитирования: Семякин М. Н. Недействительность сделок о предоставлении опциона на заключение договора в предпринимательской деятельности // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 1 (40). – С. 92–101. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).07.

Invalidity of Transactions for the Granting of an Option to Conclude a Contract in Entrepreneurial Activity

Mikhail N. Semyakin

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article examines theoretical and practical problems of the relationship between the agreement on the provision of the option and the optional contract, the nullity and voidability of the optional agreement, their legal consequences, as well as conclusions, concerning the invalidity of the option agreement, its difference from cases when the said agreement is considered to be non-concluded.

Keywords: problems, qualification, agreement on the provision of the option, option contract, dispute, nullity, non-conclusion, consequences

Конструкция соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, возникшая первоначально в судебной практике и закреплённая затем в статье 429² Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) (см.: [Семенихин 2019, с. 170]), нередко вызывает у судов вопросы, касающиеся действительности таких соглашений. Признание опционных сделок недействительными в теории и судебной практике сопряжено с рядом трудностей, которые связаны, в частности, с пониманием и соотношением таких юридических конструкций, как «опцион на заключение договора» и «опционный договор».

В зарубежной литературе юридическая природа опционных соглашений не получила однозначного разрешения¹. Так, в английском праве опцион в соответствии с одной из позиций авторов отождествляется с твердой (firm) офертой, содержащей обязательство оферента не отзываться ее, а согласно другой – опцион рассматривается в качестве

¹ Более подробно см.: [Огурцова 2018, с. 166–167].

«условного договора» – сделки, которая существует, но ее исполнение отложено до момента осуществления держателем опциона своего права [Лашков 2020].

В немецком правоведении указанная проблема также решается неоднозначно. В частности, К. Лоренц квалифицирует опционную сделку как предварительное соглашение, носящее подготовительный характер, предоставляющее контрагенту секундарное право, которое позволяет «привести в исполнение или продлить договорные отношения односторонним волеизъявлением стороны» (цит. по: [Дейнега 2022, с. 19]).

Сторонники теории единого договора – Дж. Эссер, Э. Шмидт – указывают на существование только одного – основного (главного) договора с опционной оговоркой [Esser, Schmidt 1977]²; по мысли Е. Х. Берна, опционный договор нельзя относить ни к сделке под условием, ни к безотзывной оферте, а необходимо рассматривать как соглашение особого рода (*sui generis*) [Burn 2000, p. 134] и т. д.

В России по поводу сущности опционного соглашения, его соотношения с опционным договором авторами высказаны также разные суждения, в том числе идентифицирующие опционное соглашение с предварительным договором [Красников 2009, с. 27]³; с договором, оформляющим «предоставление безотзывной оферты на заключение в будущем гражданско-правового договора» [Договорное право ... 2020, с. 412, п. 1 коммент. к ст. 429.2]⁴ и т. д.

В соответствии с положением абзаца 1 пункта 1 статьи 429² Гражданского кодекса РФ (в дальнейшем – ГК РФ) в силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом. Другая сторона вправе заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом.

Исходя из вышеобозначенной официальной позиции законодателя, предварительно можно заключить следующее.

Во-первых, соглашение о предоставлении опциона (соглашение об опционе) необходимо отличать от того договора (договоров), опцион (право) на заключение которого (которых) предоставляет сторона посредством безотзывной оферты другой стороне. Само соглашение о предоставлении опциона, хотя оно и именуется законодателем в виде существительного – «соглашение», в действительности выступает в качестве односторонней реальной сделки – одностороннего волеизъявления оферента – направления им безотзывной оферты, что порождает у другой стороны (контрагента) не более чем субъективное право заключить один или несколько договоров на условиях и в порядке, предусмотренных опционом.

Причем указанное субъективное право здесь носит не обычный характер *притязания*, выражающего какие-либо конкретные обязательственные требования к контрагенту – передать определенную вещь, выполнить работу, оказать услугу и т. д., а реализовано оно может быть посредством действия самого управомоченного лица в момент акцепта им безотзывной оферты. Поэтому направление безотзывной оферты контрагенту порождает лишь предварительную общего характера правовую связь (юридический факт) между оферентом и потенциальным акцептантом, что вместе с другим юридическим фактом – акцептом безотзывной оферты – представляют собой, в сущности, юридико-фактический состав, на основе которого происходит заключение договора (договоров) на условиях, предусмотренных опционом, – опционного договора (договоров) (ст. 429³ ГК РФ).

Следовательно, соглашение о предоставлении опциона (опцион на заключение договора) и заключаемый на его основе посредством акцепта безотзывной оферты – опци-

² Более подробно о зарубежных опционных конструкциях см.: [Дейнега 2022, с. 18–19].

³ Сходной позиции по этому вопросу придерживается и П. А. Меньшенин: [Меньшенин 2011, с. 88].

⁴ Автор комментария – А. Г. Карапетов.

онный договор нельзя рассматривать как два гражданско-правовых договора. Договор здесь один – опционный договор (ст. 429³ ГК РФ), возникающий на основе сложного юридико-фактического состава.

А. Г. Карапетов, говоря о признании опционного соглашения недействительным, указывает на то, что «...недействительность опциона приводит к недействительности основного договора, заключенного на его основании в результате акцепта...» [Договорное право ... 2020, с. 423, п. 1.11 коммент. к ст. 429.2]⁵. Однако далее, развивая эту мысль, он замечает, что если после акцепта offerent подтвердил свое согласие с появлением основного договора, то ничтожность offerent сама по себе не приведет к недействительности основного договора, так как будут налицо действительные взаимные волеизъявления сторон на заключение основного договора [Договорное право ... 2020, с. 423, п. 1.11 коммент. к ст. 429.2]⁶.

Думается, такие выводы названного автора нуждаются в уточнениях.

Прежде всего, соглашение о предоставлении опциона оформляет одностороннюю сделку (направление безотзывной offerent – абз. 1 п. 1 ст. 429² ГК РФ), которая (сделка) в соответствии с действующим законодательством (ст. 166 ГК РФ), при наличии установленных законом оснований, может быть признана судом оспоримой, либо независимо от такого признания является недействительной (ничтожной). Причем если оспоримая сделка не оспорена в судебном порядке заинтересованной стороной, то она в дальнейшем сохраняет юридическую силу и подлежит исполнению, как и всякая обычная сделка.

Что же касается ничтожных сделок, которые, подчеркнем еще раз, в силу закона являются недействительными с момента их совершения и, в принципе, не нуждаются в признании их таковыми (суд может только констатировать факт ничтожности такой сделки), то в связи с этим вряд ли представляется возможным полностью согласиться с той частью вышеприведенных выводов А. Г. Карапетова, где автор утверждает, что ничтожность сама по себе не приводит к недействительности основного договора, поскольку будут налицо действительные взаимные волеизъявления сторон на заключение основного договора.

В этом контексте представляется необходимым обратить внимание на то, что «основной договор» (опционный договор – ст. 429³ ГК РФ) подлежит заключению на условиях, оговоренных в опционе (соглашении о предоставлении опциона), и в случае ничтожности последнего это обстоятельство может в соответствующих случаях привести к ничтожности «основного договора» (опционного договора). Причем такой результат может наступить независимо от того, что «будут налицо действительные взаимные волеизъявления сторон на заключение основного договора». Так, например, односторонняя сделка, связанная с выдачей безотзывной offerent о предоставлении опциона на заключение опционного договора, предметом которого выступают действия по отчуждению акций государственной корпорации стратегического назначения в пользу частной компании (иного лица) – резидента недружественного для России государства, сама по себе ничтожна, не порождает опциона (права) на заключение опционного договора. И последующее заключение такого «основного договора» – независимо от наличия «действительных взаимных волеизъявлений сторон» на заключение указанного договора – также повлечет его ничтожность.

Следует также иметь в виду и то, что если «основной договор» (опционный договор) подлежит, согласно законодательству, заключению в нотариальной форме, то и соглашению о предоставлении опциона должна быть, аналогично, придана указанная форма. При несоблюдении требований к нотариальному оформлению соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, такое «соглашение» в силу оснований, установленных законом, является ничтожным. Однако при этом юридическая

⁵ Автор комментария – А. Г. Карапетов.

⁶ Автор комментария – А. Г. Карапетов.

судьба «основного договора» (опционного договора) не должна «автоматически» следовать судьбе опционного соглашения. Если стороны добросовестно, при наличии взаимного согласия, заключили и совершали действия по исполнению «основного договора» (опционного договора), то в данном случае у них имеется возможность осуществить конвалидацию (исцеление, оздоровление) такой сделки, то есть придать ей в установленном порядке нотариальную форму, и она будет считаться действительной.

В другом случае недействительность (ничтожность) соглашения о предоставлении опциона на заключение договора в силу отсутствия нотариального удостоверения данного «соглашения» не повлияла на действительность договора, заключенного бывшим «продавцом» опциона с другим лицом.

Так, решением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30 мая 2019 г., дело № А07-27369/2018 [Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан ... 2019], по иску Соколенко А. П. к Моисееву С. В., Масленникову О. Б., Дубу Холдинг Лимитед (с участием в деле третьих лиц) о переводе прав и обязанностей покупателя долей в уставном капитале было отказано в удовлетворении требований. Истец ссылается на то, что 10.01.2016 г. между ним (покупателем) и Моисеевым С. В. (продавцом) было заключено соглашение о предоставлении опциона в отношении доли в уставном капитале ООО «Такси Сатурн Уфа» и некоторых других обществ с ограниченной ответственностью. Согласно п. 1.1 указанного соглашения и в соответствии со ст. 429.2 ГК РФ продавец посредством безотзывной оферты предоставляет покупателю безусловное право заключить договор купли-продажи долей в уставном капитале на условиях, предусмотренных настоящим соглашением.

В соответствии с п. 3.1 соглашения о предоставлении опциона от 10.01.2016 г. в любое время в рамках периода действия опциона покупатель вправе направить продавцу письменное уведомление, составленное в произвольной форме и содержащее ссылку на настоящее соглашение, а также банковские реквизиты продавца (далее «уведомление»). В случае получения уведомления продавец обязуется продать, а покупатель обязуется приобрести доли продавца на условиях настоящего соглашения в течение 10 рабочих дней с момента получения уведомления. Договор подлежит нотариальному удостоверению. В случае уклонения продавца от нотариального удостоверения сделки покупатель вправе потребовать в судебном порядке передачи ему указанных долей.

Сделка реализуется одним пакетом, без дробления долей. Опцион действует в течение 3 (трех) лет, начиная со 2 февраля 2016 года, в том случае, если Моисеев С. В. будет являться собственником, до наступления указанной выше даты, принадлежащих ему долей в уставном капитале следующих юридических лиц: «Таптакси» – 20,41 % уставного капитала; «Такси Сатурн Уфа» – 16,67 % уставного капитала; «Пермские таксомоторные линии» – 10 % уставного капитала (п. 1.2 соглашения о предоставлении опциона от 10.01.2016).

Однако 07.07.2016 г. Моисеев С. В. (продавец) заключил с другим лицом – Масленниковым О. Б. (покупатель) – договор купли-продажи доли в уставном капитале, согласно пункту 1.1 которого продавец продал покупателю всю принадлежащую ему долю в уставном капитале ООО «Такси Сатурн Уфа».

Полагая, что сделка между Моисеевым С. В. и Масленниковым О. Б. носила мнимый характер с целью формального освобождения продавца от опционного соглашения и создания у Дубу Холдинга внешнего статуса добросовестного приобретателя и владельца, а в действительности имела место сделка по продаже доли Моисеева С. В. непосредственно Дубу Холдингу, Соколенко А. П. обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о переводе на Соколенко А. П. прав и обязанностей покупателя доли в уставном капитале в отношении доли, ранее принадлежавшей Моисееву С. В. в обществе с ограниченной ответственностью «Такси Сатурн Уфа» (16,67 % уставного капитала), а также о передаче истцу соответствующих долей в уставных капиталах указанных обществ.

Причем ранее решением Арбитражного суда Удмуртской Республики от 01.02.2019 г. по делу № А71-16567/2018, вступившим в законную силу, соглашение между Соколенко А. П. и Моисеевым С. В. от 10.01.2016 г. о предоставлении опциона в отношении долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью «ТапТакси», общества с ограниченной ответственностью «Такси Сатурн Уфа» и общества с ограниченной ответственностью «Пермские таксомоторные линии» признано недействительной сделкой.

В рамках указанного дела Арбитражный суд Удмуртской Республики пришел к выводу, что соглашение между Соколенко А. П. и Моисеевым С. В. о предоставлении опциона от 10.01.2016 не имеет юридической силы опциона на заключение договора в силу ничтожности по причине отсутствия нотариального удостоверения, обязательного в соответствии с п. 5 ст. 429.2, п. 2 ст. 163 ГК РФ и п. 11 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Арбитражный суд Республики Башкортостан, исходя из преюдициального значения обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом Арбитражного суда Удмуртской Республики по ранее рассмотренному делу № А71-16567/2018 от 01.02.2019 г., также сделал вывод, опираясь на указанное основание о ничтожности соглашения между Соколенко А. П. и Моисеевым С. В. о предоставлении опциона от 10.01.2016 г., на котором основаны иски требования истца, и об отсутствии правовых оснований для их удовлетворения.

Думается, вывод, сделанный Арбитражным судом Удмуртской Республики о ничтожности опционного соглашения между Соколенко А. П. и Моисеевым С. В. от 10.01.2016 г. в силу отсутствия его (соглашения) нотариального оформления и воспринятый затем Арбитражным судом Республики Башкортостан, исходя из преюдициального значения обстоятельств, ранее установленных вступившим в законную силу судебным актом, является верным.

Однако, как представляется, недействительность (ничтожность) в силу указанного выше основания соглашения о предоставлении опциона на заключение договора в данном случае не порочит сам договор от 07.07.2016 г. купли-продажи доли в уставном капитале ООО «Такси Сатурн Уфа», если при этом не нарушены требования действующего законодательства, предъявляемые к его содержанию и нотариальной форме удостоверения.

Недобросовестные действия истца при заключении опционного соглашения и заключенного на условиях опциона основного договора, если при этом отсутствует недобросовестность другой стороны – ответчика, не дают основания для квалификации указанных сделок как притворных.

Так, Арбитражный суд Воронежской области 27 февраля 2020 г., рассмотрев дело № А14-20615/2019 [Решение Арбитражного суда Воронежской области ... 2020] по иску ООО «Фамильные пекарни» к Гапоненко Ю. В., индивидуальному предпринимателю Бородину О. Н. о признании притворными соглашения о предоставлении опциона на заключение лицензионного договора от 28.11.2018 г., договора на обучение от 28.11.2018 г., признании действительной единой сделки – лицензионный договор от 28.11.2018 г., пришел к выводу, что заявленные иски требования не подлежат удовлетворению. В частности, суд обратил внимание на то, что истец не доказал наличия обоюдной воли сторон оспариваемых сделок совершить притворную сделку, прикрывающую лицензионный договор, и поэтому отсутствуют основания для признания оспариваемых сделок недействительными.

Такой вывод арбитражного суда в части, касающейся договора, заключенного между индивидуальным предпринимателем Бородиным О. Н. и гр-ном Гапоненко Ю. В. на оказание услуг по обучению, представляется обоснованным. Что же касается вывода суда в той его части, которая относится к вопросу о квалификации соглашения, заключенного между ООО «Фамильные пекарни» и Гапоненко Ю. В. о предоставлении

опциона на заключение лицензионного договора, то он (вывод в этой части), как представляется, нуждается в уточнении.

Материалы дела свидетельствуют о том, что истец ООО «Фамильные пекарни», как профессиональный участник коммерческой деятельности по продаже франшизы, не мог не осознавать, что совершаемые им действия, связанные с обеспечением доступа ответчика Гапоненко Ю. В. к «франшизному пакету», непосредственно не вытекают из заключенного между ними соглашения о предоставлении опциона, а в действительности составляют фактическое содержание лицензионного договора, который они должны были заключить в будущем – в срок и в соответствии с условиями опционного соглашения. Лицензионный договор в дальнейшем не был заключен. С учетом этого указанные действия истца могли свидетельствовать о его намерении совершить притворную сделку – заключение соглашения о предоставлении опциона с целью прикрыть другую сделку – лицензионный договор.

В пункте 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержится разъяснение о том, что согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, с иным субъектным составом, ничтожна. В связи с притворностью недействительной может быть признана лишь та сделка, которая направлена на достижение других правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки. Намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно.

Поскольку из материалов дела не усматривается, что воля ответчика (Гапоненко Ю. В.) была направлена на совершение притворных сделок, то оснований для квалификации обеих сделок – договора на оказание услуг по обучению и опционного соглашения – как притворных не имеется. И в этом отношении с выводом арбитражного суда следует согласиться.

Однако, учитывая, что сам истец (ООО «Фамильные пекарни») как профессиональный участник предпринимательских отношений, являлся инициатором заключения соглашения о предоставлении опциона, и он же в последующем предъявил в арбитражный суд иск о признании указанного соглашения, а также и договора об оказании услуг по обучению притворными (недействительными) сделками по указанным основаниям, то такие действия могли быть квалифицированы как заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) и не подлежащими защите в соответствии с положениями статьи 10, а также ст. 1 Гражданского кодекса РФ.

От признания соглашения об опционе недействительным необходимо отличать случаи, когда указанное соглашение следует считать незаключенным в силу того, что в нем не отражены все существенные условия будущего договора, подлежащего заключению на условиях опциона.

Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 3 сентября 2018 г. № 17АП-10339/2018 по делу № А71-1122/2018 [Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда ... 2018] установил следующее.

Индивидуальный предприниматель Седых М. Л. (истец) обратилась в Арбитражный суд Удмуртской Республики с исковым заявлением к Обществу с ограниченной ответственностью «Кофе Лайк» (ответчик) (далее – ООО «Кофе Лайк») о признании незаключенными опционного соглашения от 10.02.2017 г. и комплексного лицензионного договора № 144 от 01.04.2017 г., а также о взыскании 330 000 руб. неосновательного обогащения.

Решением Арбитражного суда Удмуртской Республики от 27.04.2018 г. в удовлетворении исковых требований было отказано.

Истец, не согласившись с решением суда первой инстанции, в апелляционной жалобе просил отменить обжалуемый судебный акт, исковые требования удовлетворить,

ссылаясь в обосновании на ошибочность суда первой инстанции в применении к спорным правоотношениям положений главы 39 ГК РФ, а также доказывая, что при подписании опционного соглашения сторонами не были согласованы все существенные условия, в частности не согласовывались и не подписывались проекты лицензионного договора и договора-поддержки партнеров, а лицензионный договор не соответствует требованиям части 5 статьи 1539, части 1 статьи 1027, статье 1028 ГК РФ, поскольку предоставление прав использования в предпринимательской деятельности комплекса исключительных прав не зарегистрировано.

Как следует из материалов дела, между ответчиком («продавец» опциона) и Седых М. Л. («покупатель» опциона) заключено опционное соглашение от 10.02.2017 г. на право заключения лицензионного договора и договора-программы поддержки партнеров, предусматривающие право «покупателя» за плату использовать коммерческое обозначение «продавца» опциона, а также пользоваться определенными в договорах услугами (п. 1.1 соглашения). Срок опциона – один календарный месяц с момента полной оплаты опционной премии (п. 1.4 соглашения). В случае если «покупатель» опциона не заявит требование в установленные сроки, соглашение прекращает свое действие (преамбула соглашения). Согласно п. 1.2 договора «покупатель» вправе реализовать опцион от своего имени, будучи зарегистрированным в статусе индивидуального предпринимателя, или предоставить право заключения лицензионного договора и договора-программы поддержки партнеров третьему лицу – хозяйственному обществу, при условии, что «покупатель» опциона является его участником.

01.04.2017 г. между истцом (лицензиатом) и ответчиком (лицензиаром) был подписан комплексный лицензионный договор № 144 на право использования исключительных прав лицензиара, а также оказание соответствующих услуг. Однако претензионным письмом от 28.11.2017 г. истица потребовала расторгнуть опционное соглашение и лицензионный договор и возратить ранее уплаченные денежные средства в размере 330 000 руб., ссылаясь на то, что в силу п. 5 ст. 1539, ст. 1027, 1028 ГК РФ передача коммерческого обозначения не состоялась по причине отсутствия государственной регистрации передачи прав.

Арбитражный суд апелляционной инстанции заявленные требования истца признал необоснованными и не подлежащими удовлетворению, в чем в основной части такого вывода следует согласиться. Однако отдельные суждения и выводы суда апелляционной инстанции представляются небесспорными. Это, в частности, касается юридической оценки опционного соглашения, которую сделала апелляционная инстанция.

Вопреки доводам истца в апелляционной жалобе о том, что при подписании опционного соглашения сторонами не были согласованы все существенные условия, в частности не согласовывались и не подписывались проекты лицензионного договора и договора-поддержки партнеров, а также другие существенные условия, подлежащие согласованию, арбитражный апелляционный суд, оценив в порядке ст. 431 ГК РФ заключенное между сторонами опционное соглашение, приходит к выводу о том, что указанное соглашение содержит в себе достаточно четкие и ясные условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению.

В обоснование указанного вывода апелляционная инстанция указала, что из системного толкования условия, содержащегося в преамбуле и пункте 1.1 соглашения, следует, что его предметом является предоставление права на заключение лицензионного договора и договора-программы поддержки партнеров, предусматривающих права покупателя за плату использовать коммерческое обозначение («COFFEE LIKE») «продавца» опциона, а также пользоваться определенными в договорах услугами по сопровождению деятельности «покупателя» опциона.

Таким образом, по мнению арбитражного суда, в момент подписания сторонами опционного соглашения предмет договора, подлежащего заключению, был идентифицирован достаточно точно; о необходимости специального согласования иных суще-

ственных условий договоров, подлежащих заключению, истцом в момент подписания опционного соглашения не заявлялось.

Доводы истца о том, что лицензионный договор и договор-программа поддержки партнеров не были приложены к опционному соглашению и их условия сторонами не согласовывались, апелляционным судом отклонены, поскольку в пункте 3.1 соглашения указано, что к моменту подписания настоящего соглашения покупатель опциона ознакомился со всеми существенными условиями лицензионного договора и договора-программы поддержки партнеров.

Вышеприведенные выводы и обоснования апелляционного суда нуждаются с научной и практических позиций в более тщательном рассмотрении. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, прежде всего, в соответствии с абзацем 1 пунктом 4 статьи 429² ГК РФ опцион на заключение договора должен содержать условия, позволяющие определить предмет и **другие существенные условия** (выделено мною. – М. С.) договора, подлежащего заключению. Апелляционная же инстанция неоднократно обращала внимание на то, что в опционном соглашении предмет подлежащего заключению договора был идентифицирован «достаточно точно», упустив при этом то, что помимо «предмета» в указанном соглашении должны быть отражены и другие существенные условия опционного договора, то есть договора, заключаемого на условиях опциона. Из рассуждений же апелляционной инстанции как раз не видно, были ли отражены в соглашении об опционе требуемые в силу указания законодателя «другие существенные условия договора», подлежащего заключению. Это особенно важно в контексте заявления истца в апелляционной жалобе о том, что при подписании опционного соглашения сторонами «не были согласованы все существенные условия, в частности не согласовывались и не подписывались проекты лицензионного договора и договора-поддержки партнеров». И вряд ли это обстоятельство может быть нивелировано доводом апелляционной инстанции о том, что истец ознакомлен был и не заявлял претензий по поводу полноты условий, содержащихся в опционном соглашении, касающихся договоров, подлежащих заключению.

В связи с этим также неясно, откуда мог истец знать о всех существенных условиях подлежащих заключению договоров, притом что проекты этих договоров или какие-либо иные документы не прилагались к опционному соглашению и их условия не согласовывались сторонами каким-либо иным образом.

Вряд ли также в этом контексте является достаточно убедительным довод апелляционной инстанции о том, что истец не заявил претензий по поводу «полноты условий», содержащихся в опционном соглашении, касающихся будущих договоров, ибо это обстоятельство, как отмечает апелляционная инстанция, не связано с недобросовестностью сторон, а главное – оно не отменяет (и не изменяет) императивного требования законодательства (абз. 1 п. 4 ст. 429² ГК РФ) о том, что опцион на заключение договора должен содержать условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению (независимо от того, заявлял ли об этом истец или нет).

Во-вторых, договоры – лицензионный и поддержки партнеров, предусматривающие право покупателя за плату использовать коммерческое обозначение «продавца» опциона, а также пользоваться определенными в договорах услугами (п. 1.1 соглашения), в установленный опционным соглашением срок (срок опциона – 1 календарный месяц с момента полной оплаты опционной премии) не были заключены, что констатируется и в постановлении апелляционного суда: «Однако обстоятельства рассмотренного дела свидетельствуют о том, что **невозможность заключения договоров в течение срока опциона** (выделено мною. – М. С.) была обусловлена обстоятельством, за которые отвечает истец, а именно фактом отсутствия у истца статуса индивидуального предпринимателя».

Однако этому обстоятельству апелляция инстанция не придала какого-либо значения. А между тем в соответствии с абзацем 1 пункта 1 статьи 429² ГК РФ «другая сторона вправе заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке, **в сроки** (выделено мною. – М. С.) и на условиях, которые предусмотрены опционом». Это означает, что в связи с истечением срока действия опциона (один месяц с момента полной оплаты опционной премии) – право на заключение опционного договора (договоров) (в нашем случае – лицензионного договора и договора поддержки партнеров) утратило силу.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, вышеуказанное «соглашение», которое обозначено как «опционное», вряд ли можно именовать по существу таковым, поскольку в нем не были отражены все существенные условия (помимо предмета). Однако даже если согласиться в этой части с выводом суда апелляции инстанция, то истцу можно было бы отказать в иске о признании данного «соглашения» незаключенным в связи с недобросовестностью истца (ст. 10 ГК РФ), поскольку (по его утверждению) он знал об обстоятельствах, порочащих соглашение об опционе, своевременно никаких заявлений по этому поводу контрагенту не высказывал, однако в дальнейшем, именно по этой причине, потребовал признания названного «соглашения» незаключенным.

Кроме того, обозначенное «соглашение», в связи с истечением срока действия опциона (права на заключение опционных договоров), утратило юридическую силу. Оно («соглашение»), скорее всего, представляет собой не более чем некий «протокол о намерениях» сторон, не сопряженный с возникновением каких-либо конкретных юридических последствий для них.

То обстоятельство, что стороны в дальнейшем (по истечении срока опциона) заключили лицензионный договор и договор поддержки партнеров (хотя и с некоторыми нарушениями формального характера) и фактически начали их исполнять (передача истцу права использования в предпринимательской деятельности коммерческого обозначения ответчика, а также исполнение им иных обязательств по консультированию, обучению, передаче брендбука, обеспечению доступа к базе знаний и проч.), не лишает действительности и юридической силы указанные договоры, однако при условии соответствия их требованиям действующего законодательства, в том числе касающимся необходимости регистрации передачи истцу исключительных прав ответчика.

Таким образом, в целом, в порядке заключения, можно сделать следующие выводы.

1. Если соглашение о предоставлении опциона носит характер оспоримой сделки, но заинтересованная сторона не заявляет в судебном порядке требования о признании его недействительным, то такое «соглашение», равно как и заключенный на его условиях опционный договор, являются действительными и подлежат исполнению на общих основаниях.

2. Ничтожность соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, когда основания ничтожности носят неустранимый характер, обуславливает недействительность (ничтожность) договора, заключенного на условиях, предусмотренных в опционном соглашении. В тех случаях, когда основания ничтожности соглашения об опционе носят устранимый характер, например имеется возможность осуществить исцеление (оздоровление) сделки о предоставлении опциона путем придания ей требуемой в силу закона нотариальной формы, то при таких обстоятельствах договор, заключенный на условиях опциона, может быть признан действительным.

3. Соглашение о предоставлении опциона может быть квалифицировано как притворная сделка при условии, что воля обеих сторон была направлена на то, чтобы таким путем прикрыть другую сделку, которую стороны в действительности имели в виду.

4. От недействительности (оспоримости или ничтожности) соглашения о предоставлении опциона необходимо отличать случаи, когда опционное соглашение считается незаключенным, – например, в силу того, что стороны не отразили в нем всех

требуемых существенных условий договора, подлежащего заключению на условиях опциона, – что вообще не порождает для сторон какой-либо взаимной правовой связи и не оказывает юридического влияния на действительность заключенного в последующем договора (договоров).

Список источников

1. Дейнега К. Е. Опцион. Опционное соглашение : выпускная квалификационная работа. – Челябинск : Челябинский государственный университет. Институт права, 2022. – 121 с.
2. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.
3. Красников Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. – 2009. – № 12. – С. 25–31.
4. Лашков Н. С. Английское право: между офертой и опционом // Закон.ру : информационно-правовой портал. – 08.01.2020. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/01/08/anglijskoe_pravo_mezhd_u_ofertoj_i_orsionom_81487 (дата обращения: 23.10.2022).
5. Меньшенин П. А. Предварительный договор в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Меньшенин Павел Александрович ; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. – М., 2011. – 179 с.
6. Огурцова О. А. Правовая природа опционного договора по зарубежному гражданскому праву // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 166–168. – DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10083.
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2018 г. № 17АП-10339/18 // Гарант : справ.-правовая система. – URL: <https://home.garant.ru/#/document/62710415/paragraph/24/doclist/822/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 28.10.2022).
8. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 27 февраля 2020 г. по делу № А14-20615/2019 // Гарант : справ.-правовая система. – URL: <https://home.garant.ru/#/document/62710415/paragraph/24/doclist/822/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 28.10.2022).
9. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30 мая 2019 г. по делу № А07-27369/2018 // Гарант : справ.-правовая система. – URL: <https://home.garant.ru/#/document/62710415/paragraph/24/doclist/822/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 28.10.2022).
10. Семенихин В. В. Торговля. Поставка. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ИД «Гросс-Медиа» : РОСБУХ, 2019. – 1720 с.
11. Burn E. H. Cheshire and Burn's Modern Law of Real Property. – London : Butterworths, 2000. – 1258 p.
12. Esser J., Schmidt E. Law of Obligations. A General Part. – Frankfurt am Main : K. F. Müller, 1977. – 242 p.

Информация об авторе

Михаил Николаевич Семякин, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой частного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Mikhail N. Semyakin, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Private Law, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 11.11.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 02.12.2022.